

УДК 81'42

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ДИРЕКТИВНЫХ КОМПЛЕКСОВ И ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ИХ КОМПОНЕНТАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИАЛОГА)

Е. Г. ЗАДВОРНАЯ¹⁾, Л. В. ВИТЧЕНКО²⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

²⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Аннотация. Рассмотрены используемые коммуникантами в русскоязычном диалогическом общении двухкомпонентные директивные комплексы. Показано, что в зависимости от семантического типа глаголов выделяются гомогенные и гетерогенные директивные комплексы. Описаны четыре типа отношений между компонентами директивных комплексов: 1) отношения одновременности; 2) отношения последовательности; 3) отношения конкретизации; 4) отношения синонимии. Установлено, что тип отношений между компонентами и порядок их взаиморасположения зависят от семантической разновидности директива.

Ключевые слова: директивный речевой акт; директивный комплекс; гомогенный комплекс; гетерогенный комплекс; семантические разновидности; синтаксические отношения.

СЕМАНТИЧНЫЯ ТЫПЫ ДЫРЭКТЫЎНЫХ КОМПЛЕКСАЎ І АДНОСІНЫ ПАМІЖ ІХ КАМΠΑНАМЕНТАМІ (НА МАТЭРЫЯЛЕ РУСКАМОЎНАГА МАСТАЦКАГА ДЫЯЛОГУ)

А. Г. ЗАДВОРНАЯ^{1*}, Л. В. ВИТЧАНКА^{2*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

^{2*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Анацыя. Разгледжаны двухкампанентныя дырэктыўныя комплексы, якія выкарыстоўваюцца камунікантамі ў рускамоўных дыялагічных адносінах. Паказана, што ў залежнасці ад семантычнага тыпу дзеясловаў вылучаюцца гамагенныя і гетэрагенныя дырэктыўныя комплексы. Апісаны чатыры тыпы адносін паміж кампанентамі дырэктыўных комплексаў: 1) адносіны адначасовасці; 2) адносіны паслядоўнасці; 3) адносіны канкрэтызацыі; 4) адносіны сінаніміі. Устаноўлена, што тып адносін паміж кампанентамі і парадак іх узаемнага размяшчэння залежаць ад семантычнай разнавіднасці дырэктыва.

Ключавыя словы: дырэктыўны маўленчы акт; дырэктыўны комплекс; гамагенны комплекс; гетэрагенны комплекс; семантычныя разнавіднасці; сінтаксічныя адносіны.

Образец цитирования:

Задворная ЕГ, Витченко ЛВ. Семантические типы директивных комплексов и отношения между их компонентами (на материале русскоязычного художественного диалога). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2024;2:80–88.
EDN: XTJTJB

For citation:

Zadvornaya EG, Vitchenko LV. Semantic types of directive complexes and relations between their components (based on material taken from the Russian literary dialogue). *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2024;2:80–88. Russian.
EDN: XTJTJB

Авторы:

Елена Геннадиевна Задворная – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики.

Людмила Валерьевна Витченко – старший преподаватель кафедры английского языка международной профессиональной деятельности факультета международных отношений.

Authors:

Elena G. Zadvornaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and applied linguistics.

egz0201@gmail.com

Ludmila V. Vitchenko, senior lecturer at the department of English for international professional activities, faculty of international relations.

vitchenko_lv@tut.by

SEMANTIC TYPES OF DIRECTIVE COMPLEXES AND RELATIONS BETWEEN THEIR COMPONENTS (BASED ON MATERIAL TAKEN FROM THE RUSSIAN LITERARY DIALOGUE)

E. G. ZADVORNAYA^a, L. V. VITCHENKO^b

^aMinsk State Linguistic University, 21 Zaharava Street, Minsk 220034, Belarus

^bBelarusian State University, 4 Niezaliezhnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: L. V. Vitchenko (vitchenko_lv@tut.by)

Abstract. Two-component directive complexes used by the speakers in the Russian dialogical communication are considered. It is shown that depending on a semantic type of a verb these complexes can be divided into homogeneous and heterogeneous complexes. Four types of relations between components of directive complexes are described: 1) simultaneity relations; 2) consistency relations; 3) specification relations; 4) synonymy relations. It has been established that the type of relations between the components as well as the order of their interposition depends on a semantic type of a directive speech act.

Keywords: directive speech act; directive complex; homogeneous complex; heterogeneous complex; semantic varieties; syntactical relations.

Введение

Взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия императивности как морфологической категории глагола, побудительности как синтаксической категории предложения и директивности как типа иллокутивного значения высказывания (речевого акта) относятся к числу наиболее активно и плодотворно изучаемых в современной лингвопрагматике. В этой области выполнено впечатляющее количество исследований, в которых на материале различных языков проанализированы ядерные и периферийные средства выражения побудительности, частные иллокутивные значения директивов (суггестивность, реквестивность, прескриптивность), национально-культурные и социально-статусные аспекты функционирования побудительных высказываний и др. (см., например, работы Ю. Д. Апресяна [1], Е. И. Беляевой [2], В. Ю. Гусева [3], А. И. Изотова [4], Н. В. Перцова [5], В. С. Храковского и А. П. Володина [6]).

Одним из наименее изученных, но при этом весьма важных аспектов побудительности является ее ориентированность на ту или иную сферу адресата. Она реализуется с помощью директивных речевых актов (ДРА), включающих императивные формы глаголов, которые относятся к различным семантическим типам, т. е. обозначают:

- физические действия и поведение человека (*подойдите ко мне; не кривляйся!*);
- коммуникативные действия (*расскажите о себе; немедленно извинись*);
- ментальные действия и состояния (*подумайте пару дней; решай сам*);
- эмоциональные состояния (*успокойтесь; не волнуйся из-за мелочей*).

На основании данного аспекта целесообразно выделение акционально-поведенческих, коммуникативных, ментальных и эмоциональных ДРА (далее – АПДРА, КДРА, МДРА и ЭДРА соответственно)¹. Семантическая специфика таких директивов оказывает существенное воздействие на их локализацию в диалоге, реализуемые этими ДРА частные иллокутивные значения, их прагматические функции и т. д. Кроме того, весьма интересным и перспективным объектом анализа являются директивные комплексы, т. е. сочетания ДРА, ориентированных на определенные сферы адресата². Ср.:

(1) Павел. Не понимаешь значит... А вот это уже старость. Все просто, Димка. Симку **выкини**... новую **купи**...

¹Возможно выделение и перцептивной разновидности ДРА, конституируемой императивами вроде *посмотри, послушай*. Но в настоящей работе мы исключаем их из анализа на основании, во-первых, крайне низкой частотности, а во-вторых, тенденции к десемантизированному употреблению. Ср. высказывания типа *слушай, так мы идем?*; *смотри не опоздай*, в которых компоненты *слушай* и *смотри* интерпретируются как десемантизированные императивы (подробнее см. публикацию [7]).

²Выделяя директивные комплексы, мы придерживаемся точки зрения, согласно которой речевой акт, как интенциональная единица, может формально не совпадать с высказыванием как структурно-коммуникативной единицей. Соответственно, высказывание может включать более одного речевого акта, ср.: *прости, я больше не буду опаздывать* (экспрессив + комиссив); *подождите пару минут, я еще рецепт не выписал* (директив + репрезентатив). По этой причине, исследуя директивные комплексы, мы исходим из того, что высказывания типа *сядь и подумай* включают два ДРА.

Дима. *Купил уже...*³ (Венедиктова-1) (АПДРА + АПДРА).

(2) Дима. *А у тебя? У тебя все есть что ли, великий учитель... Квартиру снимаешь, едешь на метро, Ритка на тебя даже не смотрит, Офелия вот-вот выгонит. Ты-то, за что держишься?*

Офелия. *Не грубите* Димитрий, *не решайте* за меня (Венедиктова-1) (КДРА + МДРА).

Подобные комплексы выступают в качестве объекта анализа в настоящей работе, целью которой является определение разновидностей ДРА и типов отношений, возникающих между их компонентами.

Материалы и методы исследования

Материалом исследования послужили содержащие ДРА контексты обыденно-разговорного характера, отобранные методом сплошной выборки из НКРЯ, художественных произведений современных русскоязычных авторов (впервые опубликованных в период с 2000 по 2023 г.). При этом в выборку включались только контексты с двухкомпонентными комплексами (разумеется, директивные комплексы могут носить и более сложный характер и состоять из трех и более ДРА, ср. высказывания типа *сядь, успокойся и объясни толком...*; *не волнуйся, выпей воды и подумай спокойно*; подобные усложненные комплексы, на наш взгляд, требуют отдельного рассмотрения). Кроме того, первоначальный анализ директивных комплексов показал, что при возможности наличия между их компонентами различных видов сочинительных отношений, в частности разделительных (*сходи или позвони*) и сопоставительных (*не рассуждай, а делай*), в подавляющем большинстве случаев наблюдаются соединительные отношения. Соответственно, выборку составили 500 контекстов, включающих двухкомпонентные директивные комплексы, компоненты которых связаны соединительными отношениями. В качестве метода исследования был использован метод контекстуального анализа.

Результаты и их обсуждение

В круге обсуждаемых контекстов целесообразно различать гомогенные и гетерогенные комплексы, т. е. комбинации ДРА, ориентированных на одну и ту же или на разные сферы адресата. Рассмотрим их подробнее.

Гомогенные комплексы. Директивные комплексы данного вида образуют все семантические разновидности директивов, ср. типичность комбинаций *сядь и поешь* (АПДРА); *не молчи, расскажи* (КДРА); *обдумай и реши* (МДРА); *успокойся, не нервничай* (ЭДРА). Компоненты таких комплексов могут находиться в различных смысловых взаимоотношениях, причем характер этих взаимоотношений коррелирует с семантической разновидностью директивов.

Наиболее широкий спектр отношений между компонентами демонстрируют комплексы, состоящие из АПДРА. Между их компонентами возможны следующие отношения:

- отношения последовательности. Для АПДРА типичными являются сочетания, в которых выполнение первого действия, к которому говорящий побуждает адресата, предшествует выполнению второго действия:

(3) *Я проводил его до вокзала, посадил в вагон и предупредил:*

– *Ложись и спи до станции Привольск. Проводнику скажу, чтобы он разбудил тебя...* (НКРЯ (Кирюхин Н. И. Страшные годы. Пережитое. 1994)).

(4) *Паша. Ты не слышал? Я говорю, там просили суп.*

Повар. А что именно?

Паша. Солянку.

Повар. Прекрасно! Достаньте кто-нибудь и разогрейте. Там что-то оставалось (Гришковец).

В силу того, что в таких комплексах последовательность ДРА иконически воспроизводит последовательность соответствующих действий, характерным индикатором отношений данного типа является фиксированное расположение компонентов, ср. аномальность сочетаний **спи и ложись*; **разогрей и достань*. В случаях, когда из-за каких-либо причин нормальная очередность ДРА нарушается, говорящий обычно восстанавливает порядок с помощью специального показателя – как правило, сочетания частицы *только* в функции противительного союза с темпоральным наречием *сначала*:

(5) – *Не ломай головы, все равно не поймешь; садись на своего рысака, только сначала подбери свой хитон или то, что от него осталось* (НКРЯ (Зелинский Ф. Ф. Иресиона. 1921)).

(6) – *А сегодня что?*

– *А сегодня иди на все четыре стороны... Только сначала замок в двери смажь* (НКРЯ (Кашкин Ю. Валухо-горюха // Ковчег. 2013. № 41));

³Здесь и далее примеры приводятся с сохранением языковых особенностей оригинала.

• отношения одновременности. Директивные комплексы данного типа весьма вариативны и неоднородны. Так, они могут включать в свой состав разнообразные с точки зрения семантико-прагматических характеристик компоненты, а именно как собственно императивы, так и прохибитивы⁴:

(7) – *Слушай, Кунта, – серьезно сказал дядя Сандро, – **сиди дома и кушай** свою мамалыгу, а то худо тебе будет...* (НКРЯ (Искандер Ф. Сандро из Чегема. Кн. 1. 1989)) (собственно императив + собственно императив).

(8) – *А почему у нее такие сердитые мездри?*
– *Не мездри, а ноздри. Сколько раз я тебе говорил. Пора знать. И **сиди спокойно, не вертись*** (НКРЯ (Катаев В. П. Дорогой, милый дедушка. 1965)) (собственно императив + прохибитив).

(9) – *По ночам вы с Андреем все-таки остерегайтесь: поздно из квартир **не выходите и огня не зажигайте**, вот и все что от вас требуется* (НКРЯ (Шолохов М. А. Поднятая целина. Кн. 2. 1959)) (прохибитив + прохибитив).

Кроме того, императивы конституирующих такие комплексы глаголов могут иметь не только конкретно-ситуативное (см. контексты (1)–(6) и (8)), но и обобщенное (см. контексты (7) и (10)) значение, ср.:

(10) *В особом отделе 15-го отделения милиции мне сообщили о прекращении моего дела, разорвали при мне подписку о невыезде, пожали руку и сказали: «**Живи и работай!**»* (НКРЯ (Жженов Г. Прожитое. 2002)).

Наконец, в таких комплексах возможны как отношения полной одновременности каузируемых действий, так и отношения, при которых одно из действий выступает в качестве фона, на котором реализуется второе действие (см. подробно публикацию [8, с. 47, 53, 58]). Именно комплексы последнего типа, по нашим наблюдениям, являются наиболее употребительными и отличаются при этом фиксированным расположением компонентов. Первое место в них занимают императивы глаголов местоположения или физического положения, обозначающие фоновое действие (см. контексты (11)–(13)).

(11) *Он тоже понял, что она пришла в себя, засмеялся и похлопал ее по плечу.*
– *Ну-ну. Будь паинькой. **Сиди и жди...** Потом проводишь меня на вокзал. Поеду на дачу. А то три дня здесь торчу, пью со всякой шоблой, а работа-то лежит* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Ручка, ножка, огурчик. 1977)).

(12) *«Так, мой родной, – почти весело сказала она. – **Лежи и отдыхай.** Тебе нужно спать больше»* (НКРЯ (Муравьева И. Мещанин во дворянстве. 1994)).

(13) – *Это что же, мне всю ночь, как пожарнику, со шлангом в руках провести?*
– *Правильно говоришь, – похвалил Вахид. – **Стой и шланг в дырки вставляй.***
– *Самая ночная работа, – безрадостно согласился Олег* (НКРЯ (Мясников В. Водка. 2000));

• отношения синонимии, в том числе контекстуальной (см. контекст (14)).

(14) – *Ты можешь быть спокойна, здесь тебя никто не потревожит. Ключи есть только у меня. **Сиди дома и никуда не выходи*** (НКРЯ (Маринина А. Мужские игры. 1997)).

При внешнем сходстве комплексов *сиди дома и жди* и *сиди дома и никуда не выходи* в них представлены разные отношения между компонентами: индикатором того, что во втором случае мы имеем дело с отношениями синонимии, выступает возможность свободной перестановки компонентов, нехарактерной для сочетаний с отношениями одновременности, особенно при условии наличия компонента, обозначающего фоновое действие. Так, если комбинация *жди и сиди* является неестественной (во всяком случае, в НКРЯ приводится 49 контекстов с комбинацией *сиди и жди* и ни одного контекста с инвертированным порядком императивов), то изменение порядка следования компонентов в комбинации *сиди дома и никуда не выходи* вполне возможно (см. контекст (15)).

(15) *«Ну, хорошо, Веня, – сказал, – хорошо, выпей сто пятьдесят, только никуда **не ходи, сиди дома**. Что же вы думаете? Я выпил сто пятьдесят и усидел дома? Ха-ха* (НКРЯ (Ерофеев В. Москва – Петушки. 1970)).

Аналогичная ситуация наблюдается и в паре синонимов *постой, подожди* (см. контексты (16) и (17)).

(16) – *Это неважно, – сказал Гриша. – Я приду пораньше, надену свой костюм и буду играть... Или отниму костюм силой!..*

⁴Используя данные термины, мы опираемся на концепцию Храковского и Володина, в рамках которой побуждение выполнять какое-либо действие интерпретируется как собственно императив, а побуждение не выполнять действие – как прохибитив. Иными словами, оппозиция *собственно императив – прохибитив* эквивалентна оппозиции *утвердительная форма императива – отрицательная форма императива* [6, с.132–154].

– **Постой, подожди**, – просил Татосов, но Гриша был тверд и вышел из квартиры (НКРЯ (Рецептер В. Эта жизнь неисправима... 2001)).

(17) – Спасибо, ты иди, тебя гости ждут.

– **Подожди, стой**... Если я не так понял – объясни толком, зачем же бежать? (НКРЯ (Полонский Г., Долинина Н. Перевод с английского. 1972));

• отношения конкретизации. Второе предписываемое действие уточняет, конкретизирует, актуализирует какой-либо аспект первого. Как правило, в таких комплексах императив глагола, называющего более общее действие, занимает инициальную позицию (см. контексты (18) и (19)).

(18) – Юр, они (ключи. – Е. З., Л. В.) же все равно в буфете будут лежать, – сказала она. – Если тебе понадобятся...

– Не понадобятся, – невесело улыбнулся он. – Ты там **прибери** только, **вынеси**... лишнее, ладно? (НКРЯ (Берсенева А. Возраст третьей любви. 2005)).

(19) Эсфирь. Кушай, Лиза, кушай! Ты кушай, а я буду рассказывать. Я люблю, чтобы было красиво! Ты спросишь, откуда у меня это? Не знаю. Люблю. Чтоб было много тарелок, и салфетки, и все как надо. **Кушай, Лиза, кушай. Возьми салат. Я тебе расскажу нечто! Ты удивишься!** (Пауза.) Я была в Бобруйске! Да, представь себе, я была в Бобруйске!

Елизавета. Да что ты говоришь, Фира? (Улицкая).

В случае воздействия на коммуникативную сферу адресата компоненты директивных комплексов вступают в отношения синонимии, в том числе контекстуальной (см. контекст (20)), или конкретизации (см. контексты (21) и (22)).

(20) – Далее за каким делом приехал? **Не молчи – говори**.

– Колокола буду по звонницам церковным да по монастырям снимать, – решительно сказал Иевлев (НКРЯ (Герман Ю. П. Россия молодая. Ч. 2. 1952)).

(21) Глафира. Нет, очень просто.

Лыняев. Но каким же образом, **скажите, объясните** мне!

Глафира. Сядемте! Садятся на скамью (НКРЯ (Островский А. Н. Волки и овцы. 1875)) (конкретизируется иллюкутивная функция коммуникативного действия, к которому побуждает собеседника говорящий).

(22) Все равно вам не жить друг без друга, – я-то знаю. **Говори и не лги**, я прав? Не трусь, ну? (НКРЯ (Арбузов А. Н. Мой бедный Марат. 1964–1980)) (конкретизируется требование к искренности собеседника, т. е. к соблюдению категории качества в терминологии Г. П. Грайса).

В случае отношений синонимии порядок следования директивов является свободным, а при отношениях конкретизации возможны варианты: если в качестве второго компонента выступает директив, побуждающий собеседника к искренности, то этот компонент располагается в постпозиции, ср. неестественность комбинаций **не лги и рассказывай*; **не ври мне и говори*. Для других комбинаций эта тенденция может и не соблюдаться (в принципе перестановка типа *объясните, скажите* вполне допустима).

Для гомогенных директивных комплексов с участием МДРА характерны отношения последовательности и синонимии. Как и в комплексах с АПДРА и КДРА, в них очередность компонентов является фиксированной в случае отношений последовательности (см. контексты (23) и (24)) и свободной в случае отношений синонимии (см. контексты (25) и (26)).

(23) – Дядя, – начала Руна, – **прикажите** удалиться слугам. То, что я теперь скажу, не должен слышать никто, кроме вас.

Старик улыбнулся и выполнил ее просьбу.

– Начнем, – сказал он, наливая вино, – хотя, прежде чем открыть мне свое, по-видимому, особенное желание, хорошо **подумай и реши**, в силах ли я его исполнить (НКРЯ (Грин А. С. Блестящий мир. 1923)).

(24) Ты **сначала подумай, потом догадайся**, где да как все надо достать, а достанешь или нет – кто тебя знает. Может – и нет (НКРЯ (Фурманов Д. А. Мятёж. 1924)).

(25) Ну-ка, **сообрази, подумай** – что делать? Надо увидеть ее, переговорить, образумить. Она – девочка, сгорая, не серьезно сказала... (НКРЯ (Кравков М. А. Эпизод. 1924)).

(26) – А ты **подумай, сообрази**. Никто бы не смог – а она смогла. Потому как талант. А потом, девки, устроила такой базар из-за троллейбусного билета, что я вам скажу... Я молчу (НКРЯ (Щербакова Г. Эмансипация // Ковчег. 2012. № 36)).

В директивных комплексах, включающих ЭДРА, наблюдаются исключительно отношения синонимии, что объясняется семантикой глаголов, императивные формы которых представлены в таких комплексах. К этим формам относятся, во-первых, собственно императивы глаголов типа *успокоиться*, *остыть*,

а во-вторых, прохибитивы глаголов типа *волноваться, беспокоиться, тревожиться, переживать, дергаться* (прохибитивные употребления значительно превосходят по частотности собственно императивные, что, как отмечается в исследовании В. С. Храковского и А. П. Володина, характерно и для их автономного употребления (подробнее см. публикацию [6, с. 148])). Все эти глаголы входят в один и тот же кластер страха (подробнее о кластерах см. работу [9]) и используются в идентичной прагматической функции: побуждения типа *не волнуйся (не переживай, не нервничай, успокойся, остынь)* употребляются с целью успокоить адресата, минимизировать интенсивность переживаемого им эмоционального состояния. Соответственно, в анализируемых директивных комплексах они находятся в отношениях синонимии и допускают свободные перестановки в сочетаниях всех типов, т. е. в комбинациях «собственно императив + собственно императив» (см. контекст (27)), «собственно императив + прохибитив» (см. контекст (28)) или «прохибитив + прохибитив» (см. контекст (29)).

(27) – *Паразит, зачем же ты ко мне пристал?* – кричал Дмитрий.

– *Успокойся, уймись*, – обнимая Панаева и хлопая его по плечам, сосед стрекотал. «Давай, давай!» – хлопки говорили (НКРЯ (Поступинский А. А. Бог № 264 // Волга. 2013. № 1–2)).

(28) «*Их, говорит, Кузин привел. Я сам видел. Это он, говорит, им дорогу показал*». Тут батя и сказал: «Кузин предатель!»

– *Успокойся, не волнуйся так. А что потом твой отец сделал?*

– *Стал нас домой отправлять... Написал записку и мне дал.*

– *Какую записку?* (НКРЯ (Голубев Г. Вспомни! 1972)).

(29) *Всегда спокойный, он был спокоен и в день отъезда.*

– *Если придется выступить, расскажи о заводе. Нас, молодых, скажи, больше тысячи на КАЗе, мы не подведем*, – напутствовали его в комитете комсомола. – *И не волнуйся, не спеши, расскажи подробно...*

Он выслушал всех. Он никогда не спешил. И что ему волноваться? (НКРЯ (Марков Л. Сторона, с которой виднее // Техника – молодежи. 1974. № 5)).

Таким образом, наибольшую вариативность отношений между компонентами демонстрируют директивные комплексы акционально-поведенческого характера, наименьшую – эмоциональные директивные комплексы.

Гетерогенные комплексы. Директивные комплексы данного типа отличаются разнообразием, обусловленным широким сочетаемостным потенциалом образующих их директивов. Так, в нашем материале представлены все возможные комбинации семантических типов глаголов, императивы которых конституируют соответствующие ДРА, т. е. шесть возможных сочетаний: 1) АПДРА + КДРА (см. контекст (30)); 2) АПДРА + МДРА (см. контекст (31)); 3) АПДРА + ЭДРА (см. контекст (32)); 4) КДРА + МДРА (см. контекст (33)); 5) КДРА + ЭДРА (см. контекст (34)); 6) МДРА + ЭДРА (см. контекст (35)).

(30) – *Он ничего не знает о сержанте Глебова*, – доложил лейтенант.

Подполковник кивнул и отпустил его. Посмотрел на Тимофея, казалось, совершенно равнодушно:

– *Садись и рассказывай*, как все было, с самого начала, – и снова уткнулся в исписанные листки (НКРЯ (Дворецкий Л. Шакалы. 2000)).

(31) *Катерина (не обращая внимания). Держи короля, загадывай, что узнать хочешь. Что приглядываешься-то, карты первый раз видишь?*

Дед. Не первый, а только почему король червовый, поскольку я в состоянии войны, то масть у меня – пиковая должна быть (Венедиктова-2).

(32) *Вадим. Ты шутишь. Постой, да ты смеешься надо мной?!*

Ольга. Нет. Сядь, упокойся... (Венедиктова-3).

(33) – *Я старший уполномоченный Центрального отделения Агентства Социальной Безопасности Павел Гусев. Ты обвиняешь президента фонда господина Юрина в сексуальных домогательствах и физическом насилии. Сейчас у тебя есть возможность отказаться от этого обвинения. Подумай и скажи* – обвиняешь ты его, или нет.

– *А что ему будет?* – спросила Марина. Видимо, гусевский намек на прострел башки ее не убедил.

– *Юрин – закоренелый враг общества* (НКРЯ (Дивов О. Выбракровка. 1999)).

(34) *Она все-таки зашла без позволения. Еще и забралась мне на колени. Охватила мою шею, прижалась к груди.*

– *Мамочка! Успокойся и объясни мне все.*

– *Я объясни? Иди ты к черту, к дьяволу, к лешему лысому.*

– *Идиoma правильная: к черту лысому. Но не будем придирааться* (НКРЯ (Нестерова Н. В. Неподходящий жених. 2013)).

(35) – *Мещанство, – тихо возразила Наташа, – стыдиться работы; неужели предосудительно, что жена твоя сама работает на твоего ребенка, а не бросает деньги швеям? Успокойся и подумай хорошенько, – увидишь, что этот случай только забавен* (НКРЯ (Пассек Т. П. Из дальних лет. 1878–1889)).

Понятно, что принадлежность глаголов, императивы которых образуют соответствующие директивные комплексы, к разным семантическим классам исключает возможность возникновения между ними отношений синонимии или конкретизации и допускает только отношения последовательности или одновременности.

В первом случае, т. е. при отношениях последовательности, расположение компонентов определяется очередностью действий, которая является (или представляется говорящему) естественной в конкретной коммуникативной ситуации. Ср. сочетания АПДРА + МДРА (см. контекст (36)) и МДРА + АПДРА (см. контекст (37)).

(36) – *Хватит, – говорит он. – Не нужно мне все это рассказывать тебе раньше времени. Уже поздно. Иди и подумай еще раз хорошенько. Я бы на твоём месте отказался* (НКРЯ (Петросян М. Дом, в котором... 2009)).

(37) – *Подумай и приходи ко мне завтра, – сказал Ильюшин.*

Назавтра он пришел и сказал:

– Я подумал и прошу отпустить меня в отпуск (НКРЯ (Чуев Ф. Ильюшин. 1998)).

Для гетерогенных комплексов возможны ситуации инвертированного следования ДРА, в которых естественный порядок восстанавливается говорящим с помощью тех же средств, что и в комплексах гомогенного типа (см., например, контекст (38)).

(38) – *Ну что? – неприязненно спросил полковник в пространство. – Все ясно или объяснения нужны?*

– Не нужны, товарищ полковник, – четко выговорил Морозов, – разрешите приступить?

– Приступайте, – разрешил полковник, – только сначала кто-нибудь изложите мысли. Есть у кого-нибудь мысли? (НКРЯ (Устинова Т. Большое зло и мелкие пакости. 2003)).

В случае отношений одновременности в инициальной позиции располагается глагол, обозначающий действие, которое является фоновым (или интерпретируется в качестве такового говорящим). Ср., например, контексты (39)–(41).

(39) *Я очень хочу стать настоящим спасателем. Оказалось, в подвале мы просидели почти три часа, и Лехе пора ехать узнавать, не подвезли ли воду для лагеря.*

– Один я быстрее съезжу, – объясняет он мне. – А ты сиди и думай, что делать. Он взгромаждается на байк и уезжает (НКРЯ (Верясова Д. Е. Муляка // Волга. 2012. № 9–10)).

(40) – *Это что? – спросила Антонина.*

Филька посмотрел на нее и на лес, подумал и ответил:

– Что, что? Тебе все – что это?.. Стой и молчи! (НКРЯ (Сергеев-Ценский С. Н. Лесная топь. 1905)).

(41) *Вера. И как это случилось? <...> Пей чай и рассказывай. Мы ведь друзья. Рассказывай.*

Володик. А что рассказывать? Ну, поехали в лес, вот и все (Слаповский).

В отдельных комментариях нуждаются гетерогенные комплексы, включающие ЭДРА. В этих комплексах характер отношений и расположение компонентов обнаруживают зависимость от того, какая именно форма императива – собственно императив или прохибитив – представлена в соответствующем сочетании. В случае использования собственно императива компоненты комплекса находятся в отношениях последовательности, а их расположение определяется стандартным образом (см. контексты (42) и (43)).

(42) – *Мы летим в Вену! Я боюсь, что мы упадем.*

– Ева, через полчаса мы будем в Афинах, какая Вена? Успокойся и иди спать. Ну ты же взрослая женщина, ты не ребенок (НКРЯ (Родченкова Е. Евления // Дальний Восток. 2019. № 1)).

(43) *Георгий, заметив, что девушка вздрагивает всем телом, достал свою волшебную флягу.*

– На, глотни и успокойся. Вы, ребята, молодцы. Хоть и ошибались, но шли верной дорогой (НКРЯ (Баконина М. Школа двойников. 2000)).

Если же в директивный комплекс включается прохибитив, то порядок следования компонентов оказывается свободным и определяется говорящим произвольным образом (см. контексты (44)–(47)).

(44) – *Ангелы пришли. Теперь уж в полной ангельской форме. Сидят, пишут и тебя зовут. Я говорил, что тебя это не минует. Иди, не бойся. С ними не соскучишься* (НКРЯ (Домбровский Ю. О. Факультет ненужных вещей. Ч. 1. 1978)).

(45) – *Иди, покрутишь мне точильный камень, – говорит дедушка.*

– Мамка будет драться, – после некоторого раздумья отвечает мальчик, как бы и матери давая время высказаться по этому поводу.

Но тетюшка не высказывается.

– **Не бойся, иди**, – говорит дед и, зайдя в кухню, наливает в кувшинчик воды, чтобы поливать точильный камень (НКРЯ (Искандер Ф. Дедушка. 1966)).

(46) – Ужинать будете? – заглянула сестра. – Котлетки, кисель.

– Нет.

– Сережа, ты из-за меня, может быть? **Ешь, не стесняйся**, я посижу. Я тебе гостинца принес. Не бог знает что, извини. Масло постное да редька. Ну и хлеб черный (НКРЯ (Амосов Р. Подъем на холм // Ковчег. 2012. № 37)).

(47) – Смотри, какой диван тут мягкий... Хорошо? Она ушла в комнату, откуда раздавалось бормотание телевизора, а друзья чокнулись и выпили по первой.

– Ну как там Новосибирск? – спросил Кутицына Андрей. – Ты **не стесняйся, налегай на картошечку**... Еще пожарим... (НКРЯ (Грачев А. Ярый против видеопиратов. 1999)).

На наш взгляд, свободное взаиморасположение компонентов в таких комплексах обусловлено тем, что в них императив эмоционального глагола выступает не в роли самостоятельного побуждения-пожелания, а в качестве своего рода обстоятельства образа действия: сочетания *заходи, не робей; бери, не бойся; ешь, не стесняйся*, по сути, обозначают выражения *заходи (бери, ешь) без стеснения (смело, спокойно, уверенно)*⁵.

Интересно, что, хотя расположение императивов в таких комплексах носит свободный характер, их локализация демонстрирует любопытную тенденцию: несмотря на отсутствие каких-либо семантических или прагматических факторов, регулирующих позицию ЭДРА, эмоциональный прохибитив заметно тяготеет к финальной позиции. Так, по данным НКРЯ, императив *не стесняйся* располагается в препозиции в 55 двухкомпонентных директивных комплексах, а в постпозиции в 182 случаях, т. е. постпозиция встречается в 3,3 раза чаще. Представляется, что здесь наблюдается определенная идиоматизация данных комплексов, объясняемая не столько семантико-прагматическими или экстралингвистическими факторами, сколько речевым автоматизмом. По-видимому, в таких случаях мы имеем дело с тем, что Б. М. Гаспаров называл коммуникативными фрагментами, т. е. со своеобразными речевыми клише (никоим образом не отождествляемыми с фразеологизмами или, шире, паремиями), которые «хранятся в памяти говорящего в качестве стационарных частиц его языкового опыта и которыми он оперирует при создании и интерпретации высказываний» [10, с. 90]. Интерпретируя коммуникативный фрагмент как «целостный отрезок речи, который говорящий способен непосредственно воспроизвести в качестве готового целого в процессе своей речевой деятельности и который он непосредственно опознает как целое в высказываниях, поступающих к нему извне» [10, с. 90], Б. М. Гаспаров полагает, что именно такие фрагменты «служат для говорящих первичными единицами, из которых состоит их мнемонический “лексикон” владения языком» [10, с. 95]. На наш взгляд, конструкции типа *заходи, не бойся; бери, не стесняйся* относятся к числу единиц, употребление которых демонстрирует реализацию определенного речевого стереотипа.

Заключение

Двухкомпонентные директивные комплексы отличаются высокой степенью семантико-прагматической и структурной вариативности. Между компонентами таких комплексов могут возникать отношения последовательности, одновременности, а также синонимии и конкретизации (для гомогенных комплексов). Тип отношений между компонентами, порядок их взаиморасположения зависят от семантической разновидности ДРА: так, между компонентами гомогенных комплексов, включающих АПДРА, возможны все типы отношений, в то время как в комплексах, образованных ЭДРА, наблюдаются только отношения синонимии. Для комплексов с отношениями последовательности и конкретизации характерно фиксированное расположение компонентов, для комплексов с отношениями синонимии – нефиксированное, для комплексов с отношениями одновременности возможны оба варианта в зависимости от типа комплекса (гомогенный или гетерогенный) и разновидности составляющих его директивов.

⁵Такие взаимоотношения в принципе возможны и для других типов сочетаний (фиксированный порядок компонентов в комплексах *сиди (стой) и молчи; говори (рассказывай) и не ври* также объясняется адвербиальным характером второго компонента, ср.: *сиди молча; рассказывай честно*), но если для них такой вариант расположения директивов наблюдается только для отдельных конкретных глаголов, то в случае эмоциональных прохибитивов адвербиальная функция носит системный, последовательный характер.

Сокращения

Венедиктова-1 – Венедиктова Е. Здравствуй, дорогой // Театральная библиотека Сергея Ефимова : сайт. URL: <https://theatre-library.ru/authors/v/venediktova> (дата обращения: 23.02.2024) ; **Венедиктова-2** – Венедиктова Е. Сельский фарс // Проза. ру : портал. URL: <https://proza.ru/2014/07/11/480> (дата обращения: 26.02.2024) ; **Венедиктова-3** – Венедиктова Е. Заявление об уходе // Театральная библиотека Сергея Ефимова : сайт. URL: <https://theatre-library.ru/authors/v/venediktova> (дата обращения: 27.02.2024) ; **Гришковец** – Гришковец Е. Сатисфакция [Электронный ресурс] // Онлайн-библиотека «Knijki.ru». URL: <https://knijki.ru/books/satisfakciya> (дата обращения: 26.12.2023) ; **НКРЯ** – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 21.02.2024) ; **Слаповский** – Слаповский А. Шнурок, или Любил, люблю, буду любить [Электронный ресурс] // LibKing. URL: <https://libking.ru/books/poetry/-dramaturgy/587432-aleksey-slapovskiy-shnurok-ili-lyubil-lyublyu-budu-lyubit.html> (дата обращения: 27.02.2024) ; **Улицкая** – Улицкая Л. Е. Мой внук Вениамин // ЛитРес : сайт. URL: <https://www.litres.ru/book/ludmila-ulickaya/moy-vnuk-veniamin-163833/chitat-onlayn/> (дата обращения: 22.02.2022).

Библиографические ссылки

1. Апресян ЮД. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике. В: Володин АП, редактор. *Типологические обоснования в грамматике: к 70-летию профессора В. С. Храковского*. Москва: Знак; 2004. с. 20–35.
2. Беляева ЕИ. *Грамматика и прагматика побуждения: английский язык*. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета; 1992. 168 с.
3. Гусев ВЮ. *Типология императива*. Москва: Языки славянской культуры; 2013. 336 с.
4. Изотов АИ. *Функционально-семантическая категория императивности в современном чешском языке в сопоставлении с русским*. Брно: L. Marek; 2005. 274 с. EDN: TIGVFF.
5. Перцов НВ. *Инварианты в русском словоизменении*. Москва: Языки русской культуры; 2001. 279 с.
6. Храковский ВС, Володин АП. *Семантика и типология императива. Русский императив*. Москва: Едиториал УРСС; 2002. 272 с.
7. Витченко ЛВ. Десемантизированные императивы в составе речевых актов (на материале английского, итальянского и русского языков). В: Шадурский ВГ, редактор. *Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы XII Международной научной конференции, посвященной 97-летию образования Белорусского государственного университета; 26 октября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 68–69. EDN: YYDKJV.
8. Шелякин МА. *Категория вида и способы действия русского глагола. Теоретические основы*. Таллин: Валгус; 1983. 216 с.
9. Апресян ВЮ. Семантика эмоциональных каузативов: статус каузативного компонента. В: Селегей ВП, редактор. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Материалы ежегодной международной конференции; 29 мая – 2 июня 2013 г.; Бекасово, Россия. Выпуск 12(19). Том 1*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет; 2013. с. 43–57. EDN: HCBIIIX.
10. Гаспаров БМ. *Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования*. Москва: Новое литературное обозрение; 1996. 352 с.

References

1. Apresyan YuD. [Principles of organisation of the centre and periphery in lexicon and grammar]. In: Volodin AP, editor. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike: k 70-letiyu professora V. S. Khrakovskogo* [Typological justifications in grammar: on the 70th anniversary of professor V. S. Khrakovskii]. Moscow: Znak; 2004. p. 20–35. Russian.
2. Belyaeva EI. *Grammatika i pragmatika pobuzhdeniya: angliiskii yazyk* [Grammar and pragmatics of order: the English language]. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta; 1992. 168 p. Russian.
3. Gusev VYu. *Tipologiya imperativa* [Typology of the imperative]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2013. 336 p. Russian.
4. Izotov AI. *The functional-semantic category of imperative modality in modern Czech in comparison with Russian*. Brno: L. Marek; 2005. 274 p. Russian. EDN: TIGVFF.
5. Pertsov NV. *Invarianty v russkom slovoizmenenii* [Invariants in Russian inflection]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2001. 279 p. Russian.
6. Khrakovskii VS, Volodin AP. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkii imperativ* [Semantics and typology of the imperative. Russian imperative]. Moscow: Editorial URSS; 2002. 272 p. Russian.
7. Vitchenko LV. [Desemantised imperatives as part of speech acts (on the material of English, Italian and Russian languages)]. In: Shadurskii VG, editor. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i professional'no orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam. Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 97-letiyu obrazovaniya Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta; 26 oktyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus* [Intercultural communication and professionally oriented teaching of foreign languages. Proceedings of the 12th International scientific conference dedicated to the 97th anniversary of the formation of the Belarusian State University; 2018 October 26; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 68–69. Russian. EDN: YYDKJV.
8. Shelyakin MA. *Kategoriya vida i sposoby deistviya russkogo glagola. Teoreticheskie osnovy* [Category of aspect and means of action of a Russian verb. Theoretical fundamentals]. Tallin: Valgus; 1983. 216 p. Russian.
9. Apresyan VYu. [Semantics of emotional causatives: status of a causative component]. In: Selegei VP, editor. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Materialy ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii; 29 maya – 2 iyunya 2013 g.; Bekasovo, Rossiya. Vypusk 12(19). Tom 1* [Computer linguistics and intellectual technologies. Proceedings of the annual international conference; 2013 May 29 – June 2; Bekasovo, Russia. Issue 12(19). Volume 1]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2013. p. 43–57. Russian. EDN: HCBIIIX.
10. Gasparov BM. *Yazyk, pamyat', obraz. Lingvistika yazykovogo sushchestvovaniya* [Language. Memory. Image. Linguistics of language existence]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 1996. 352 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 16.04.2024.
Received by editorial board 16.04.2024.